

Ю.В. Варламова
Санкт-Петербург

**АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ
В ДИРЕКТИВНОМ РЕЧЕВОМ АКТЕ «ПРИКАЗ»**

Данная статья посвящена изучению способа функционального взаимодействия вербальных и невербальных средств в процессе формирования иллюкутивной цели и реализации перлюкутивного эффекта в речевых актах креолизованного типа текста.

Современное состояние прагматических исследований характеризуется огромным интересом к теории речевых актов (РА) вообще и к некоторым ее аспектам в частности. Теории РА посвящены работы таких известных ученых, как Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, Д. Вандервекен, А. Вежбицка, А.Г. Гурочкина, Г.П. Грайс, Т.П. Третьякова, А.Г. Поспелова, Т.Н. Шелингер, О.Г. Почепцов, J. Austin, R. Lakoff, G. Leech, S. Lewinson, J. Searle и др. На всем протяжении второй половины XX в. исследователи различных научных сфер дискутировали по поводу релевантности теории РА в лингвистической прагматике, ее достоинств и недостатков. Главной особенностью этой теории является подход к РА как к способу достижения человеком поставленной цели высказывания и рассмотрения под этим углом зрения используемых им лингвистических средств. Этот подход предполагал рассмотрение РА с точки зрения статусных отношений коммуникантов (В.И. Карасик), использования средств экспрессивности (Р.В. Шиленко), функционирования в дискурсе (Д. Вундерлих), с позиции дедуктивного моделирования (Е.С. Петелина). Однако, несмотря на многочисленные работы в области конструирования, понимания и интерпретации

высказывания слушателем, исследователи теории РА уделяли недостаточно внимания изучению всех средств воздействия на адресата, без которых невозможно полноценное восприятие РА как составляющих креолизованного текста. Без учета средств невербальной коммуникации, которые наряду с вербальными средствами участвуют в формировании иллокутивной цели высказывания, невозможна полноценная интерпретация последней в различных формах видеоинформации – телевизионных передачах, художественных и мультипликационных фильмах, которые являются неотъемлемой частью современной жизни.

Многообразие и широкое распространение подобной информации объясняется тем, что современная цивилизация ориентирована на зрительный образ – видеоинформация ежедневно проникает в сознание людей, оказывая воздействие на их настроения и эмоции. В процессе восприятия различных видеотекстов участвуют как языковые, так и неязыковые единицы (жесты головы, глаз, лица, рук, ног, жесты касания, а также позы и проксемика), поэтому интересным представляется рассмотрение их совместного функционирования в сегменте поля коммуникативного акта.

В качестве материала исследования выбран директивный речевой акт (ДРА). Выбор данного класса РА в качестве материала исследования объясняется тем, что ДРА доминирует по количественному принципу в исследуемом материале и в нем наиболее ярко представлен эмоциональный компонент, что определяется наличием в РА креолизованного текста невербальной составляющей, несущей дополнительную эмоциональную нагрузку.

Опираясь на концепцию невербальной семиотики Г.Е. Крейдлина, представляющую системное описание невербальных аспектов человеческого поведения в ситуации коммуникативного взаимодействия, в настоящем исследовании уделяется особое внимание функционированию кинетических, такесических, миремических явлений, к которым относятся жесты головы, глаз, лица, рук, ног, жесты касания, а также анализу поз и проксемики. Под

жестом вслед за А.В. Филипповым в данной работе понимается знаковая единица общения и сообщения, которая имеет мануальную, мимическую или другую пантомимическую форму выражения, выполняет коммуникативную функцию и характеризуется воспроизводимостью и смысловой ясностью для представителей какой-либо нации [5: 33]. Таким образом, в РА не менее важным, чем передача языковой информации, является функционирование невербальных элементов, занимающих значительное место в жизни человека и общества.

Проанализируем функциональное взаимодействие вербальных и невербальных компонентов на примере директивного ДА «приказ»

Речевой акт «приказ» рассматривается как попытка говорящего добиться того, чтобы слушающий совершил определенное действие [1: 18]. Говорящий не принимает в этом случае отказ и настаивает на выполнении желаемого действия. Невыполнение приказа наказуемо, при этом отношение адресата к каузируемому действию для говорящего нерелевантно. Особенность собственно побуждений заключается в том, что каузируемое действие рационально, целесообразно в данной ситуации, поэтому собственно побуждению нередко сопутствует экспликация причин, заставляющих говорящего предпринимать попытку каузировать действия адресата, или изложение следствий каузируемого действия. Речевой акт «приказ» встретился в исследуемом материале в 17% случаев. В оформлении ДРА «приказ» участвуют императивные предложения в простом синтаксическом варианте, модифицированные присоединительными вопросами или условными фразами. Экономия речевых средств компенсируется использованием НВК. Речевой акт «приказ» официален, внедиалогичен, не требует ответного согласия или отказа. Его можно охарактеризовать как «невежливый», в котором говорящий занимает доминантное положение, что дает ему право управлять подчиненными. Для данного РА характерно использование вульгарной лексики, а также слов с нейтральной оценкой. Использование жестов совместно с синсемантической

лексикой может способствовать появлению элемента оценочности в нейтрально окрашенной лексике. Наряду с мимическими жестами ДРА «приказ» активно сопровождается жестами рук. Большую группу жестов рук представляют указательные жесты.

При взаимодействии языковых элементов с неречевыми указательные движения рук выполняют соответствующие функции: повторение или дублирование актуальной речевой информации посредством указания на объект в ДРА «приказ».

Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Donkey*. Ha, ha! That's right, right, damn, fool! Now I'm a flying, talking donkey. You might have seen a housefly, may be even a super fly,... but... but I bet you aren't never seen a donkey fly! Ha, ha! Uh -oh.

Captain of guards. Seize him! After him! He's getting away! Get him! [9: 4]

В данном примере охранник лорда Фаркуада видит «летающего» Ослика и, опасаясь, что Ослик улетит, приказывает рыцарям немедленно его схватить. Реплика охранника представлена императивными восклицательными предложениями с глаголами повелительного наклонения. Использование ряда повелительных предложений придает речи динамизм, эмоциональность и служит для создания фона, на котором происходит основное действие. Повелительные конструкции выражены языковыми номинациями с помощью глаголов «*to seize*», «*to get*», со значением схватить, достать; предложной конструкцией «*after him*» и сопровождаются «указательным жестом», выполненном в многократном исполнении (указательным пальцем указывать на одушевленный объект). Реализация жеста совпадает с языковой номинацией «*him*». Таким образом, экспрессивное усиление (со смысловым повтором в жесте) падает на одну и ту же лексическую единицу, выраженную местоимением «*him*». Говорящий стремится синхронизировать со словом центральный элемент жеста. Жестом «*пристальный взгляд*», который сопровождает весь речевой фрагмент, охранник стремится подчеркнуть, что поймать следует именно Осла. В

создании дополнительного содержания РА «приказ» участвует предлог «*after*» и пространственное наречие «*away*». При их тесном соединении в реплике достигается впечатление динамизма происходящего события и фиксируется направление передвижения.

Реплика Ослика служит своеобразным фоном, на котором совершается РА «приказ». Ослик как главный герой мультфильма выступает в роли веселого болтливоего существа, которое не может молчать. Болтливость персонажа передается посредством использования в его речи междометий (*uh, oh, ha*), заполнителей пауз (*now, even, but*), бранных слов (*damn, fool*) окказионализмов (*super fly, donkey fly*), а также повтором языковых единиц «*right*», «*donkey*», «*but*», «*fly*». Все указанные средства дают экспрессивно-эмоциональную оценку происходящему событию и создают эффект эмоционального усиления. Эмоцию «удивление» передают жесты «широко открытые глаза» и «вертеть головой». Жест в этом случае оказывается длиннее речевого фрагмента, с которым он соотносится по смыслу.

Особую роль в реплике Осли играет актуализация грамматического значения «*aren't never seen*». Актуализируется глагольная категория времени. Временная форма в сочетании с двойным отрицанием наделяет содержанием вспомогательный глагол, выдвигая его на ведущую позицию в передаче общей семантики сказуемого. Действие помещается в отрезок настоящего, которое имеет неограниченную длительность, при котором настоящее растягивается, поглощая прошедшее и будущее. Глагольное время, таким образом, становится главным организатором эмфазы всего высказывания.

В следующем примере НВК выступают в роли контекста, на котором происходит актуализация стилистически нейтрального слова.

(2) F l o r a . Oh, it's simple.

F l o r a . Up here dear, you can be the dummy.

F a u n a . All you do is follow the book [10: 22].

Директивный РА «приказ» представлен императивным предложением, выраженным эллиптическим (безглагольным) синтаксическим вариантом с наречиями «*up*», «*here*». Фея Флора собирается сама сшить принцессе Мэри Роуз новое платье. В качестве манекена она выбрала Фею Фауну. Флора приказывает Фауне встать на стул, используя указательный жест «*указательный жест указательным пальцем*». Указание происходит на определенное место в пространстве и подкрепляется наречием «*here*». Жест «*взмах рукой*» указывает направление движения и усиливает пространственное наречие «*up*».

Персонажную речь составляет нейтральная лексика, т.е. лексика, лишенная стилистического значения в словаре. К языковой номинации «*dummy*» примыкает *изобразительный жест* (двумя руками жестикулирующий очерчивает силуэт), который вносит дополнительные сведения о реальном предмете и экспрессивно обнажает внутреннюю форму слова. Изобразительный жест, выполненный руками, выступает в качестве носителя дополнительной информации и выполняет аттрактивную функцию. Употребленный в данном контексте жест служит фоном, который актуализирует и передает стилистически нейтральной лексеме «*dummy*» дополнительное контекстуальное значение «неуклюжесть» и «неловкость». Таким образом, изобразительный жест участвует в актуализации лексемы «*dummy*». Следовательно, в отношении стилистических значений можно сказать, что контекст не только поглощает их, но и создает новые.

Анализируя данный пример с точки зрения психологии восприятия, мы наблюдаем эффект обманутого ожидания. В реплике Флоры задается определенная иллокутивная цель побуждения, которая в результате не выполняется (игнорируется). Иллокутивная цель побуждения смягчается за счет использования в ДРА «приказ» существительного «*dear*», жеста касания «*дотронуться до руки собеседника*», что указывает на теплые дружеские отношения к собеседнику (Фауне).

В следующем примере средством создания актуализирующего контекста является повтор актуализируемой единицы, что нарушает предсказуемость развертывания сообщения. Повтор языковой единицы «pony» сообщает ей дополнительное значения, увеличивает ее содержательную и функциональную нагруженность.

(3) P i n . Mongo! Down here! Look at the pony! Follow the pretty pony! [9: 26]

Пиноккио вытянутой рукой пытается указать Манго (огромное печенье) направление движения и приказывает ему следовать за пони. В оформлении ДРА «приказ» участвуют императивные конструкции, выраженные глаголом «*to follow*», глаголом с послелогом «*to look at*», и наречиями «*down*», «*here*». В данном примере многократно используется указательный жест «указывать вытянутой рукой». Говорящий дважды указывает на одушевленный объект, выраженный языковыми номинациями: «*the pony*», «*the pretty pony*».

В директивном РА «приказ» актуализируется значение определенного артикля «*the*», т.е. артикль выступает в качестве носителя дополнительной информации и помимо своей основной функции – указания на определенную соотнесенность означиваемого объекта – передает дополнительную эмфазу, принимая на себя ударение. Определенный артикль становится эквивалентом выделяющих слов «именно», «тот самый».

В следующем примере гиперболизация иллокутивного эффекта также происходит за счет дублирования речевой информации указательными жестами. В приведенных примерах можно отметить то, что адресант жеста, отдавая приказ, демонстрирует более высокий социальный статус. Использование указательных жестов ясно демонстрирует социально-групповое поведение говорящих. Отмечено исполнение говорящими социальных ролей, таких как: тиран – жертва, начальник – подчиненный, выше- и нижестоящий на общественной лестнице. Речи «начальников» присущ приказной, требовательный тон, осознание своей правоты, нетерпимость к возражению.

Очень часто РА «приказ» сопровождается жестом «*stop*» (рука обращена к адресату раскрытой ладонью, пальцами вверх) с звуковым сопровождением «*Stop*» в мужском и женском исполнении. Данный жест обычно исполняется по отношению к адресату с равным или более низким статусом.

Жест «*stop*», сопровождающий ДРА «приказ», может сопровождаться языковой номинацией «*enough*». Рассмотрим соответствующий пример.

(4) S h r e k . Enough! What are you doing in my house? [9: 12]

В данном примере языковая единица «*enough*» сопровождается жестом «*stop*». При помощи данного жеста прерывается поток речи и физическое действие адресата [11: 133]. Запрос информации производится интеррогативным РА с использованием неопределенного глагола «*to do*» со значением «делать», «проявлять деятельность». Настоящее время длительного разряда «*Present Progressive*» выражает процессуальность действия, рассматриваемого в момент его протекания. В роли систематизированного контекста выступает ситуация, в которой происходит действие. Своей репликой Шрек прерывает веселье сказочных персонажей у себя в доме и одновременно останавливает развитие речевой ситуации в нежелательную для него сторону. Тем самым жест «*stop*» выполняет аттрактивную функцию с целью привлечения внимания собеседников. Речевой акт «приказ» представлен императивным эллиптическим безглагольным предложением. Предложение представлено в свернутом виде, в виде опоры на ведущее слово «*enough*». Такое предложение очень экономно, чем и создается экспрессивность высказывания.

На личное местоимение 2-го лица «*you*» накладывается «указательный жест», выполненный указательным пальцем. Личное местоимение «*you*» в данном примере интимизирует повествование, выступая заместителем имени, становится его эквивалентом, показывающим

презрение, ненависть к обозначаемому лицу. Появление указательного жеста говорит о раздражении и эмоциональном возбуждении говорящего.

Невербальные знаки могут быть включены в вербальные, где они замещают вербальный знак, таким образом образуя структурную связь между компонентами РА. В следующем примере замещение речевого высказывания происходит при участии жестов рук – приглашение войти.

(5) Fairy Godmother. You better ..... We need to talk.

King. Actually, ... Fairy Godmother. Already taken my pills, and a- a- a -a- a- a they tend to make me a bit drowsy [9: 17].

Крестная требует, чтобы Король сел в карету, так как она желает серьезно поговорить. Директивный РА «приказ» представлен императивным фразеологизмом «*You better....*» и повествовательным предложением с глаголом «*to need*» со значением желательности. В данном примере однозначность в коммуникации достигается за счет восполнения языкового эллипсиса использованием определенного жеста «*указательный жест рукой, приглашая войти внутрь*». Указательный жест рукой дублируется «*указательным жестом головой*». Следующие друг за другом вербальные и невербальные отрезки сливаются в единый текст, обладающий смысловой связностью. Мимика лица (используется жест «*брови сведены*») и поза («*руки в боки*»), используемые в ДРА «приказ» в исполнении Крестной, содержат в себе подтекстовую информацию «угрозы». Таким образом, имеет место самостоятельность смысловых тем, ведущихся словом и жестом. Одновременно с этим наблюдается расхождение в ассоциативных связях между словом и жестом, что создает затруднения для говорящего и слушающего.

Король пытается избежать выполнения приказа, об этом свидетельствует молчание, совпадающее с графической экспликацией, выраженной *многоточием* и сопровождающееся жестом «*почесать затылок*», а также одновременное использование приема дефиксации, выполняющего изобразительную функцию, передавая эмоциональное

состояние героя. Король испытывает эмоцию «страх», это доказывает заикание, опущение вспомогательных глаголов в реплике персонажа. Жест «*почесать затылок*» сигнализирует о том, что жестикулирующий получил некоторую новую для него информацию. Он хочет осмыслить эту информацию и выработать дальнейший план действий. Особую роль играет использование в языковой единице окказионального графона «*pilnns*» вместо «*pills*», повторяющихся графонов «*tttttt*» и «*a-a-a-a-a-a-a*», передающих фонетические сбои в речи; таким образом, создается эффект иронии. Несовпадение графических и фонетических границ слова, актуализируемого окказиональным графоном, используется для передачи эмоционального состояния «страх».

В американском коммуникативном поведении распространенным лицевым жестом является улыбка. Научно доказано, что улыбка – это врожденный жест, но то, как часто улыбается человек, как сильно напряжены при этом мышцы лица, культурно обусловлено. В коммуникативном поведении американцев улыбка придает общению дружественный, доброжелательный настрой. Улыбчивость, отмечает Г.Е. Крейдлин, является одной из черт национального характера американцев. «Американец жизнерадостен или, по крайней мере, улыбчив, особенно на работе» [4: 324]. Улыбка, как и рукопожатие, приветственный жест рукой, кивок или обнимание при встрече, представляет собой наиболее заметное проявление американского неречевого поведения. Частое использование этих знаков позволяет говорить о них как об универсальных элементах американского невербального поведения. Иногда при употреблении отдельно или в сочетании друг с другом данные жесты замещают словесные формы.

По мнению А. Вежбицкой, у жестов-улыбок имеется контекстно-независимый смысловой инвариант, универсальный, не зависящий от культурных и языковых локальных конвенций, что объясняет, в частности, почему эти жесты объединились в один языковой класс под именем улыбки [2: 344]. Однако, как отмечают Г.Е. Крейдлин и Е.А. Чувилина, улыбка – это

не один жест, а класс семантически разнородных жестов, причем смысловое разнообразие и соответствующее ему разбиение всех жестов-улыбок на классы является, по всей видимости, культурно специфичным [3: 72]. Исполнение и использование многих жестов, включая улыбки, является культурно обусловленными, т.е. зависит от культурных требований и предпочтений [7: 189].

В данном исследовании мы соглашаемся с Г.Е. Крейдлиным и Е.А. Чувилиной в том, что улыбка передает сложность и разнообразие испытываемых переживаний и ощущений. Мимические выражения по большей части представляют собой комбинацию чувств, и поэтому разные улыбки воспринимаются людьми как разные жестовые единицы [3: 69].

В следующем примере Крестная пытается выгнать Шрека из комнаты, где хранятся волшебные эликсиры.

(6) S h r e k . All right, look lady....

F a i r y G o d m o t h e r . Don't you point those dirty green sausage at me [9: 32].

РА «приказ» представлен императивным отрицательным предложением с глаголом повелительного наклонения «*to point*» со значением «указывать», «показывать пальцем» и сопровождается указательным жестом пальцем. На лице говорящего появляется «широкая улыбка», выражающая агрессию по отношению к собеседнику. Графическая экспликация, выраженная многоточием в предыдущей реплике, говорит о том, что предыдущая реплика была прервана собеседником, что является нарушением принципа вежливости, в частности нарушением максимы такта. Крестная испытывает резко отрицательную эмоцию в отношении собеседника, о чем свидетельствует использование метафоры «*green sausage*» на фоне жеста «*морщить нос*». Данная метафора основана на общности в семном составе двух слов, денотаты которых никак не связаны между собой в реальной действительности. Ассоциативность человеческого мышления способствует развитию процесса, обеспечивает вариативность обнаруживаемых сходных пар. Например, пальцы Шрека вызывают у

Крестной ассоциативное сходство, скрытое в лексеме «*sausage*». Будучи стилистически нейтральной, языковая единица «*sausage*» в данном невербальном контексте и в сочетании с прилагательным «*dirty*» приобретает резко отрицательную окрашенность. О негативном отношении к собеседнику говорит также грубое употребление личного местоимения «*you*» в РА «приказ».

В рассмотренном примере позы маркируют отдельные существенные части разговора, мену ролей говорящего и слушающего, т.е. управляют ходом общения. Со стороны говорящих наблюдается использование «*непринужденной позы*», что выражает отсутствие чувства дискомфорта. Угроза не достигает цели и прерывается ответным РА «приказ».

Указательный жест используется как способ задать ситуацию и служит контекстом для грамматической актуализации указательного местоимения «*those*», указывающего на предметы, удаленные во времени или пространстве от говорящего. Грамматическая рассогласованность проявляется в использовании указательного местоимения, указывающего на множество предметов, удаленных в пространстве по отношению к одному близко расположенному предмету.

Оба собеседника используют жест «*прямой взгляд*», который с весьма высокой степенью вероятности фиксируется адресатом, причем даже на большом расстоянии между партнерами, трактуется как взгляд вызова, как взгляд гипнотический или агрессивный. «Прямой взгляд» приводит адресата в состояние возбуждения и ставит его в затруднительное положение [6: 129]. Согласно этикетным нормам, «прямой взгляд» должен быть коротким по длительности, а потому если партнеры смотрят друг на друга дольше, чем принято, и не у одного из них нет каких-либо особых установок или целей, которые бы с обязательностью требовали увеличения времени воспроизведения данного жеста, то через какое-то непродолжительное время оба партнера почти одновременно прерывают этот взгляд, отводя глаза.

Таким образом, цельность коммуникативного акта связана с единством и завершенностью смысла всего РА. Для реализации завершенности и целостности, т.е. для реализации понимания смыслов, заложенных в директивных РА, необходимо наличие вербальных и невербальных компонентов, а также знание лингвокультурных контекстов их употребления.

Выдвижение языковых единиц на фоно-графическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях происходит на фоне невербального контекста. На фонетическом уровне актуализация происходит за счет использования: звуковых повторов (аллитерации, ассонанса), смещения ударения, ассимиляции, дефиксации, курсива, восклицательного, вопросительного знаков, многоточия. На морфемном уровне актуализация происходит при: 1) взаимодействии морфемы с контактными единицами своего уровня (использовании авторских индивидуальных неологизмов и окказионализмов) и 2) повтора. На лексическом уровне отмечается: актуализация синсемантической лексики (артикли, местоимения, союзы, предлоги, предложные и пространственные наречия). Также актуализация происходит при использовании автосемантической лексики: междометий, эмоционально-оценочных прилагательных, звукоизобразительной лексики, ключевых и тематических языковых единиц, избыточных элементов, усилителей. Отмечается использование стилистических приемов метафоры, метонимии, синекдохи, композиционной ретардации, актуализации грамматического значения. На синтаксическом уровне актуализация происходит при использовании предложений неполного состава (эллиптических) и стилистических приемов: инверсии, повтора, подхвата, обособления, асиндетона, полисиндетона.

Невербальные компоненты выступают в роли организованного контекста. Наличие данного контекста дает возможность для актуализации единиц всех уровней языковой структуры на морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях. Невербальные компоненты сообщают языковой

единице дополнительные значения, увеличивая ее содержательную и функциональную нагруженность. Все структуры невербального поведения полифункциональны. Невербальные компоненты коммуникации приобретают конкретное значение только в определенной ситуации и распознаются только в конкретном контексте. Однозначность невербальных компонентов коммуникации устанавливается посредством взаимодействия вербальных и невербальных средств.

Библиографический список

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
2. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 18. С. 336–368.
3. Крейдлин Г.Е., Чувилина Е.А. Улыбка как жест и как слово // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 66–93.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальные приветствия и прощания (семиотические акты и жесты) // Аспекты изучения звучащей речи. М., 2003. С. 323–336.
5. Филиппов А.В. Звуковой язык и язык жестов // Лингвистический сборник. 1975. Вып. 3. С. 14–33.
6. Argyle M., Cook M. Gaze and mutual gaze. Cambridge, 1976.
7. Effron D. Gestures, race and culture. The Hague, 1972. P. 335.
8. Ekman D. Emotion in the human face. N.Y.: Pergamon, 1972. P. 169-222.
9. Шрек - сайт о зеленом Огре. (<http://www.scifiscripts.com/cartoon/shrek.txt>).
10. Television Production Website Reference page. (<http://www.script-orama.com/tv/tvscript.shtml>).

Список словарей

11. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.

